

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

P.P. Вахитов

Кочевые черты в характере русских в сфере духа и в материальном производстве

Rustem R. Vakhitov

Nomad traits in the character of Russians in the sphere of spirit and in material production

В среде русской интеллигенции распространено восприятие русского народа как оседлого. Однако многие деятели русской культуры (от И.С. Аксакова до А.М. Горького) отмечали сходство русского характера с характером кочевых народов. По их мнению, для русских также свойственно стремление к странствиям, поискам лучшей жизни, а в духовной сфере – неудовлетворенность имеющимся положением вещей, поиски высших идеалов.

В нашей статье выдвигается предположение, что эти черты должны иметь соответствие в материальном базисе, в сфере материального производства, в хозяйственных практиках русского народа (великороссов) на разных этапах его истории. Действительно, еще В.О. Ключевский указывал на то, что при формировании великоросского (русского) этноса колонисты с юга, оказавшиеся в междуречье Волги и Оки, использовали кочевое, подсечно-огневое земледелие. Это оказало влияние на характер русского народа. В XX в. создатель социоестественной истории Э.С. Кульпин-Губайдуллин развил эти идеи, характеризуя русскую цивилизацию как сочетающую черты оседлых, этатистских (Китай) и кочевых (Туран) народов.

Социолог Ю.М. Плюснин показал, как велика роль отходничества в хозяйственных практиках русского народа вплоть до современности.

Таким образом, существуют серьезные доказательства тезисов о том, что имеется родство между мировоззрением и ценностями русских и кочевых народов, на что указывали и славянофилы, и евразийцы. Схожие тенденции наличествуют в материальном производстве русского народа как в Средневековье, так и в Новое и Новейшее время. Можно не соглашаться с марксизмом в том, что материальное производство первично, а духовная культура вторична, но существование корреляции между материальным и духовным в обществе – это непреложная истина, открытая марксизмом. Использование его методов позволяет лучше понять истоки ценностей русской культуры. Это позволяет также объяснить феномен комплементарности между славянскими и туранскими культурами Евразии.

© Вахитов Р.Р.

Ключевые слова: материальное производство, русский народ, русская культура, кочевое земледелие, отходничество, кочевники.

The perception of the Russian people as settled is widespread among the Russian intelligentsia. However, many figures of Russian culture (from I.S. Aksakov to A.M. Gorky) noted the similarity of the Russian character with the character of nomadic peoples. In their opinion, Russians are also characterized by the desire to wander, the search for a better life, and in the spiritual sphere – dissatisfaction with the existing state of affairs, the search for higher ideals.

Our article suggests that these features should be consistent in the material basis, in the sphere of material production, in the economic practices of the Russian people (Great Russians) at different stages of its history. Indeed, even V.O. Klyuchevsky pointed out that during the formation of the Great Russian (Russian ethnos), colonists from the south, who found themselves in the interfluvium of the Volga and Oka rivers, used nomadic, slash-and-burn agriculture. This influenced the character of the Russian people. In the twentieth century, the creator of socio-natural history E.S. Kulpin-Gubaidullin developed these ideas, characterizing Russian civilization as combining the features of sedentary, statist (China) and nomadic (Turan).

Sociologist Yu.M. Plyusnin showed how great is the role of otkhodnik in the economic practices of the Russian people up to the present.

Thus, there is serious evidence for the thesis that there is a kinship between the worldview and values of the Russian and nomadic peoples, as pointed out by both the Slavophiles and the Eurasians. Similar tendencies are present in the material production of the Russian people, both in the Middle Ages and in modern and contemporary times. One may disagree with Marxism that material production is primary, and spiritual culture is secondary, but the existence of a correlation between the material and the spiritual in society is an immutable truth discovered by Marxism. Using his methods allows you to better understand the origins of the values of Russian culture. This also makes it possible to explain the phenomenon of complementarity between the Slavic and Turanian cultures of Eurasia.

Keywords: Material production, Russian people, Russian culture, nomadic agriculture, seasonal work, nomads.

...охота к перемене мест
А.С. Пушкин. Евгений Онегин

...в русском крестьянине еще
не изжит инстинкт кочевника
А.М. Горький

Вступление

Русские склонны рассматривать себя как представителей оседлых народов, относящихся к европейской цивилизации. Соответственно, отношение к народам кочевым в русском национальном сознании, особенно в высшем, образованном слое, начиная с Петровской эпохи, бытовало откровенно негативное. Достаточно вспомнить, что такой выдающийся мыслитель-почвен-

ник, как Н.Я. Данилевский, характеризовал кочевников исключительно как разрушителей и дикарей и отказывался признавать историческими народами тюрков и монгол: «Все же прочие сколько-нибудь значительные племена не образовали самобытных цивилизаций... потому, что, живя в странах, малодобных для культуры, не вышли из состояния дикости или кочевничества (как вся черная раса, как монгольские и тюркские племена). Эти племена остались на степени этнографического материала, т.е. вовсе не участвовали в исторической жизни или возвышались только до степени разрушительных исторических элементов» [2, с. 115]. Утверждения русских евразийцев 1920-х гг. (Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского и др.) о глубинной связи русской культуры и культур кочевых народов Турана (которые вовсе не дикарские, а подлинно самобытные, имеющие свои непреходящие ценности) большинством русских интеллектуалов рассматривались (а зачастую, увы, и рассматриваются) как скандальные и абсурдные.

Вместе с тем есть и такие представители русской культуры, у которых можно найти немало замечаний, которые указывают на нелюбовь русских к оседлости, спокойной жизни на одном месте, о тяге их к странничеству, к поискам лучшей жизни в материальном и в духовном плане, к поискам высшего идеала. Показательна в этом смысле небольшая статья «Мотив странничества в русской культуре», опубликованная в Интернете на сайте «Про славян». Ее автор собрал соответствующие цитаты русских писателей, мыслителей, культурных деятелей. Вот, например, слова публициста-славянофила Ивана Аксакова: «Такова уж, видно, историческая миссия русского племени... С самого начала своего исторического бытия оно наметило себе просторные рамки, воспиталось на этой идее простора, – простор воздействовал даже на его духовную природу, простор манил и манит его до сих пор». Известный в свое время исторический писатель Д. Мордовцев также отмечал, что «русский народ, несмотря на оседлый характер, свойственный земледельческой стране, склонен к бродячей жизни, что без видимых причин он покидает родину и идет искать чего-то на чужой стороне». А.М. Горький писал о том, что «в русском крестьянине еще не изжит инстинкт кочевника (курсив мой. – Р.В.), он смотрит на труд пахаря, как на проклятие Божие, и болеет “охотой к перемене мест”. У него почти отсутствует боевое желание укрепиться на избранной точке и влиять на окружающую среду в своих интересах...». Философ Б. Вышеславцев в работе «Русский национальный характер» замечал, что «одной из центральных идей русских сказок, а следовательно, бессознательной мечтой русской души является искание “нового царства и лучшего места”, постоянное стремление куда-то “за тридевять земель”». Показательны и слова философа Н.А. Бердяева, что русскими любим и распространен среди них тип странника: «Странник – самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не

врос в землю, в нем нет приземистости. Странник свободен от “мира”, и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Русский тип странника нашел себе выражение не только в народной жизни, но и в жизни культурной, в жизни лучшей части интеллигенции. И здесь мы знаем странников, свободных духом, ни к чему не прикрепленных, вечных путников, ищущих невидимого града» [7].

Итак, самые разные русские деятели культуры, имевшие различные политические и философские взгляды, раздумывая об особенностях характера своего народа, отмечали такую его черту, как склонность к перемене мест, путешествиям, бегству в другие края, поискам лучшей жизни, а в духовной сфере – к постоянным поискам идеала, метаниям между разными системами ценностей, мыслительной неуспокоенности. При этом они прямо указывали на соответствующие параллели русского мировоззрения с мировоззрениями кочевых народов Евразии, с которыми русские соседствуют уже много веков. Может ли быть так, что все они чудовищно ошибались? Вопрос риторический – конечно, нет. Отсюда видно, что формула евразийцев о любви русских к «континентальной шире», которая появилась у них после монгольского завоевания и которую привили им кочевые народы, в сущности, верна и выглядит экстравагантной лишь вследствие своей прямолинейной формы.

Между тем общество представляет собой целостное образование, и разные сферы его жизни (прежде всего, сфера духовного и материальное производство) должны быть в нем теснейшим образом связаны. В этом состоит непреходящая правда марксизма, которую не могут не признать даже противники исторического материализма. Можно не соглашаться с утверждениями марксистов о первичности процессов, происходящих в общественном бытии, материальном производстве, но отрицать, что всякая черта национального характера и национальной культуры, всякий элемент идеологии, присутствующий у народа, так или иначе связан с хозяйственной деятельностью этого народа (хоть и не обязательно определяется ею, потому что духовные и идеологические процессы имеют свою логику), на наш взгляд, нельзя.

В свете этого особый интерес представляет изучение материального производства русского народа (под которым мы будем иметь в виду великороссов). На наш взгляд, это позволит внести большую ясность в споры о характере русского народа, ведь одно дело – феномены духовной культуры, оценки которых часто страдают субъективностью, и совсем другое – формы материального производства, которые, что ни говори, более весомы, зримы и самоочевидны.

Итак, мы ставим в этой статье вопрос: имеется ли в материальном производстве, хозяйствовании русских (великороссов) нечто соответствующее или напоминающее стремление к странничеству в духовной сфере

и духовной и социальной жизни? Конечно, такого рода исследование логичнее всего было бы ждать от марксистов. Но, увы, большинство марксистских отзывов о евразийстве в советские времена, с которыми знаком автор, не шли дальше пропагандистской и предвзятой критики евразийства как идеологии империализма, «вредной и ложной»¹. С тех пор мало что сделано в раскрытии этой важной черты русских – стремления к странничеству. Что ж, придется нам сделать за них эту важную и необходимую работу.

Кочевое земледелие и отходничество русских

Уже у классика русской истории Василия Осиповича Ключевского (1841–1911) в описаниях формирования специфического типа великороссов мы находим множество материалов на интересующую нас тему. В его «Курсе русской истории» имеется глава «Влияние природы верхнего Поволжья на хозяйство и племенной характер великороссов». В ней он рассуждает о том, что переселение восточных славян из земель близ Киева на северо-восток привело к тому, что образовалось их новое ответвление – великороссы (т.е. собственно русские, как бы мы сказали сейчас²). На их этнический характер и психологию наложили отпечаток географически-климатические особенности междуречья Волги и Оки, сильно отличающиеся от природы юга России и современной Украины, и те хозяйственные практики, которые они там стали вести, в свою очередь связанные с природой колонизированных земель. География северо-востока Евразии характеризуется обилием лесов, болот, преобладанием суглинка в почве и наличием множества рек и речек. Соответственно, если Киевская Русь была страной городов, в которых велась разнообразная торговля, и села вокруг городов были большие, с дружными общинами, то на севере городов было мало, колонисты жили небольшими хуторами (на редких сухих местах среди болот) и вели натуральное хозяйство на основе земледелия. Но это было очень специфическое земледелие – подсечно-огневое. Колонисты выжигали участок леса, выкорчевывали пни и на этой целине, щедро посыпанной золой (которая представляет собой прекрасное природное удобрение), снимали несколько обильных урожаев. Затем через шесть-семь лет они бросали истощенную землю и двигались дальше.

¹См., напр., что писал о евразийстве в 80-е гг. прошлого века известный историк русской философии В.А. Кувакин: «В евразийстве без труда можно обнаружить религиозные, славянофильские и веховские идеи, отголоски историософских доктрин Данилевского и Шпенглера. Социальный утопизм и либерализм с элементами просветительства уживался здесь с контрреволюционными, националистическими, империалистическими и даже (особенно на конечном этапе развития этого направления) с фашистскими тенденциями» [4, с. 125].

²В эпоху Ключевского русскими принято было называть не только великороссов, но и малороссов (украинцев) и белорусов.

Ключевский замечает, что такие «приемы обработки земли сообщили подвижный, неусидчивый, кочевой характер... хлебопашеству» [3, с. 153]. Позднее он не раз пишет о кочевом земледелии великороссов XIII–XVI вв. За этот исторический период русский пахарь дошел «до естественных границ равнины, до Урала и Белого моря» [Там же]. Подспорьем тяжелому и скудному земледелию великороссов того времени были промыслы – охота, рыболовство, бортничество и т.д.

Такой образ жизни выработал в русских людях качества, которые и стали отличать великороссов от их южных и западных собратьев – малороссов (украинцев) и белорусов. Сам Ключевский пишет о наблюдательности, необходимой для поиска новых угодий, умении трудиться в «режиме аврала», поскольку северная природа отводит мало времени для сельскохозяйственных работ и т.д. Но, очевидно, здесь напрашивается на ум и качество, которое в духовной сфере отобразилось как странничество, *привычка к перемене мест, вера, что можно найти лучшие земли и угодья, и связанная с этим образом жизни неустроенность быта, равнодушие к комфорту, обрастанию богатствами на новом месте, поскольку через несколько лет все равно придется почти все бросить и двигаться дальше. Это сближает русских с кочевниками, которые тоже равнодушны к комфорту и готовы в любой момент собрать свои юрты и пожитки и двинуться дальше по степи.*

Такого рода хозяйственные практики к XVII в. прервались как в силу того, что была исчерпана их природная, экологическая ниша, так и потому, что авторитарное государство «взяло в оборот» русского крестьянина, заставило его осесть, прикрепило к земле, объединило в общины, с которых легче собирать подати. Но на характер народа оказывают преимущественное влияние факторы, которые он встречал в «детстве», и, кроме того, тяга к перемене мест у русских никуда не делась и под властью государства: весь период крепостного права люди бежали как можно дальше от государя и помещика, становились вольными казаками и таким образом осваивали новые земли, например Сибирь. Не говоря уже о том, что сама необходимость прикреплять людей к земле порождается тем, что они прикрепляться не хотят, а хотят быть свободными странниками.

Идеи В.О. Ключевского нашли подтверждение и оригинальное развитие у ученых XX и XXI вв. Укажем на философа, историка и востоковеда, основателя школы социоестественной истории (СЕИ) Эдуарда Сальмановича Кульпина-Губайдуллина (1939–2015).

Кульпин-Губайдуллин употребляет неудачный термин «генетический код цивилизации», но имеет в виду под таковым вовсе не биологизаторские измышления, а *основные устойчивые ценности культуры, национальный и цивилизационный менталитет.* Согласно российскому ученому, корни этой ментальности уходят в способы взаимодействия человека и природы,

а именно в способ производства и характерные для него технологии: «Для социоестественной истории главное не люди и не природа отдельно взятые, но природа и общество как единое целое...» [5, с. 19]. Так, на одном полюсе у Кульпина-Губайдуллина система ценностей зарубежного Дальнего Востока (Южный Китай, Япония, Индонезия), где главными являются ценности государства (ценность-объект) и стабильности (ценность-вектор), а на другом – ценности Западной Европы, где важнее всего личность (ценность-объект) и развитие (ценность-вектор). Исходя из этого для Дальнего Востока характерны государственная собственность, изначально слабый научно-технический прогресс, а для Западной Европы, напротив, – частная собственность, стремление постоянно развивать технику. При этом экономический базис дальневосточной цивилизации – это сельское хозяйство в виде возделывания риса, а базис западноевропейской цивилизации в период ее становления (т.е. в Средние века) – возделывание пшеницы и схожих с ней культур. Но подчинение государству, стремление к стабильности, консерватизм, наряду с большим трудолюбием и низкой инициативой, – это черты, которые очень хорошо коррелируют с ирригационным рисоводством: для него нужна система каналов, которая может быть создана только государством, маленьким общинам не под силу не только построить ее, но и отремонтировать. Рис можно выращивать всегда, и для этого не требуется сметка и личная инициатива. Технология традиционная и вполне эффективная, удобрений не нужно, и нет нужды в усовершенствовании техники, создании новых орудий, разведении скота, а значит – в обмене, широкой торговле, развитии рынка.

Пшеницу, наоборот, можно сеять лишь в строго определенный период, т.е. при этом важна личная инициатива. Почвы быстро истощаются, их можно быстрее восстановить, если их уваживать (а значит, нужен скот, хозяйство усложняется, развиваются обмен и рынок) или создавать новые технические средства (нужно развивать институты образования). Ограниченное время для сева, необходимость сложных инструментов и орудий – все это подталкивает к примату частной собственности. Пшеничное, двухпольное и трехпольное земледелие, характерное для Западной Европы, коррелирует с идеологией свободы личности, частной собственности, прогресса.

В России, согласно Кульпину-Губайдуллину, все пошло иначе, чем в Европе, потому что в тот период, когда формировался великорусский этнос, период освоения лесных пространств между Москвой и Окой («великая распашка» XI–XIV вв.), славянские колонисты выбрали технологию подсечно-огневого земледелия (как видим, Кульпин-Губайдуллин здесь следует Ключевскому). Они выжигали лес, сеяли на этом участке пшеницу и другие культуры, собирали урожай, бросали участок и шли дальше. Поскольку они не закреплялись на земле, постоянно двигались вперед, беря

новые и новые ничейные участки, у них не сформировалась институция частной собственности и связанные с ней представления о свободе личности, ее ценности и т.д. Когда же к XV–XVI вв. земельные ресурсы северо-востока Евразии были исчерпаны и начался экономический кризис из-за истощения земель и нехватки продовольствия (Смутное время), великорусские крестьяне обратились за помощью к государству и таким образом на базе пшеничной культуры возник патернализм, больше характерный для «рисовых базисов».

Следует заметить, что даже прикрепление крестьян к земле не отбило у самых активных из них тяги к «номадоподобным» формам хозяйства. Весь период Петербургской империи в среде крестьянства наличествовала такая экономическая практика, как отходничество, т.е. временный уход крестьян в города для заработка (как правило, в сезон окончания сельскохозяйственных работ). Особенно широкое распространение отходничество приобрело в период развития капитализма: во второй половине XIX – начале XX в. Вплоть до столыпинских реформ в Российской империи не было даже такого сословия «рабочие», большинство городских промышленных рабочих были крестьянами, пришедшими из деревень на сезонные заработки, но сохраняющими в деревнях участки земли и семьи³.

В советские времена после введения в 1932 г. общегражданских паспортов, где первоначально указывалась не только прописка, но и место работы, возможностей для отходничества стало меньше. Но уже в хрущевскую и брежневскую эпохи с ослаблением режима снова распространилось отходничество, часто в виде сезонных строительных работ («шабашка»).

В XXI в. мы наблюдаем настоящее возрождение отходничества. Облегчение внутренних трудовых миграций, экономический кризис, особенно сильно поразивший провинцию и село, способствовали этому. Научное изучение российского отходничества в наше время продолжил социолог Юрий Михайлович Плюснин и возглавляемый им исследовательский коллектив. В их итоговом труде [9] описывается феномен современного отходничества в России, его география, размеры, мировоззрение отходников, их взаимоотношения с государством. Публикация этого вполне академического исследования произвела эффект разорвавшейся бомбы. Множество отзывов в прессе показывали: российская общественность была потрясена масштабами этого явления. В современной России всего около 80 миллионов работоспособных граждан. Оказалось, что «из примерно 50 миллионов российских семей не менее 10–15, а может, и все 20 миллионов семей живут за счет отходничества одного или обоих взрослых членов» [9, с. 8]. Плюснину и его соавторам снова удалось обратить внимание интеллектуальной элиты нашей страны на

³Феномен дореволюционного отходничества рассматривается, например в [1, с. 93–116].

давно уже известный факт: *русский народ в определенном смысле кочевой по своему духу, русские склонны к перемене мест, к мобильному и «распределенному» образу жизни, многим из них чужды привычки оседлых народов.*

Легко заметить, что *хозяйственные циклы русских сезонных отходников, как дореволюционных, так и современных, чем-то напоминают циклы жизни кочевников*⁴. У кочевых народов ведь тоже были зимние и летние кочевки. Зимой, когда у скота меньше возможности прокормиться, они обустроивали в южных областях степи кочевья и загоны, и эти зимние «города» кочевников к XIX в. все больше напоминали поселения оседлых народов, настоящее кочевье начиналось лишь весной, когда в степи вырастала трава⁵. Только русские отходники, наоборот, с весны до осени ведут оседлый образ жизни в своих деревнях и малых городах, а зимой «откочевывают» в мегаполисы в поисках заработка.

Заключение

Мы сейчас сознательно хотим оставить в стороне определение того, что является первичным и что вторичным при корреляции описанных феноменов жизни русской цивилизации. То ли наличие кочевых черт в характере русских определило их склонность к кочевому земледелию и отходничеству, то ли, наоборот, необходимость заниматься кочевым земледелием и отходничеством сделали русских «легкими на подъем», любящими странствовать и превратили их в постоянных искателей лучшей жизни, а также – идеала и справедливости? Думаем, вопрос этот должен решаться диалектически. Безусловно, из Киевской земли на северо-восток уезжали люди, склонные к перемене мест, рискованные, авантюрные бродяги и пассионарии. В этом смысле Владимир и Суздаль, а потом и Москва по отношению к Киеву были тем же, чем Америка – по отношению к Европе. С другой стороны, сами географически-климатические особенности новых мест диктовали определенные виды хозяйствования, которые пестовали определенные черты характера и мировоззрения у их населения.

А.Ф. Лосев прекрасно показал на материале античной цивилизации, что между материальным и духовным производством существует множество опосредующих звеньев и зачастую отображение тенденций хозяйства в сфере духа не просто непохоже на оригинал, но и определено совсем другими причинами, лежащими в самой сфере духа. Так, в «Истории античной эстетики» Лосев из отношений рабовладельца и раба, исключая восприятие друго-

⁴Не говоря уже о подсечно-огневом земледелии. Кстати, известный кочевниковед А.М. Хазанов ставил его в один ряд со «скотоводческой мобильностью», см. [10, с. 14].

⁵Быт кочевой цивилизации на примере казахов описал знаменитый казахский кочевниковед Нурбулат Насанов в фундаментальной монографии [8].

го как личности, предполагающих отношение к человеку как к живой вещи, выводит принцип вещизма как главный принцип античной культуры. А уж из него он выводит и принцип конструирования духовной культуры Древней Греции, например философских представлений о космосе [6, с. 44]. Мы можем применить тот же метод к материальной культуре великороссов в тот исторический период, когда только формировались черты национального характера великороссов (русских). Это было подсечно-огневое, кочевое земледелие. Суть его сводилась к движению в пространстве (кочевью), но не свободному, как у кочевников-скотоводов в степи, а с преодолением некоей внешней, косной силы (леса). Борьба с лесом, его выкорчевка – это, между прочим, первый подвиг «русского Геракла», мифического героя русского народа – Ильи Муромца, в образе которого средневековые русские осмыслили сами себя. Но лес – это не только внешняя преграда, он, превратившись в золу, становится удобрением, которое приносит хлеб – условие выживания. Итак, речь идет не просто о борьбе свободолюбивого, стремящегося к движению начала, но и о борьбе его с такой силой, которая есть и преграда, и одновременно источник жизни. Да ведь перед нами отношение русского народа к своему государству, которое воспринимается и как враг, которого нужно победить или как минимум бежать от него, и одновременно всеобщий отец, который заботится о всех даже ценой собственных жертв. И отсюда метания между государственным патриотизмом и революционным анархизмом, которые отмечают как сущностную черту русских многие исследователи русского национального характера от Бердяева до Вышеславцева.

Итак, нам представляется, что общий наш тезис *о переключках и материальной культуры, и мировоззрения у русских и кочевых народов Евразии* несомненен. Русские несут в себе своеобразные ценности нomaдизма, при этом диалектически сочетающиеся с государственным, похожим на этатизм оседлых культур вроде китайской (и в этом их отличие от чистых кочевников). Причем в этом основа того «братания» тюркских и славянских этносов Евразии, о котором писали евразийцы. Так уж получилось, что русские – народ с явными восточноевропейскими корнями, языком, принадлежащим к индоевропейской семье, и христианской духовной культурой – осваивая лесостепь и степь, сотрудничая с финно-угорскими и тюрко-монгольскими народами, стали кое в чем сами напоминать кочевой и восточный народ. Именно поэтому они и сумели стать наследниками монгол и кипчаков в деле интеграции евразийских пространств после разрушения Золотой Орды.

Думаем, эта тема связи кочевых черт в материальном производстве и духовной культуре русского народа в различные эпохи его истории требует дальнейшей и подробной разработки.

Вахитов Рустем Ринатович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета. 450074, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.

Rustem R. Vakhitov – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Political Scientists Bashkir State University. 450074, 32 Zaki Valdi st., Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Rust_R_Vahitov@mail.ru

Список литературы

1. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 274 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Благословение: Институт русской цивилизации, 2011. 816 с.
3. Ключевский В.О. Лекции по русской истории. Ч. 1. СПб., 1902. 406 с.
4. Кувакин В.А. Религиозная философия в России. Начало XX века. М.: Мысль, 1980. 309 с.
5. Кульпин Э.С. Русь между Востоком и Западом. М.: ЛКИ, 2012. 282 с.
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. 1. Ранняя классика. М.: АСТ, 2000. 621 с.
7. Мотив странничества в русской культуре. URL: <https://proslavyan.ru/kultura-slavyan/motiv-strannichestva-v-russkoj-kulture/> (дата обращения: 14.02.2021).
8. Насанов Н. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. 320 с.
9. Плюснин Ю.М. и др. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013. 373 с.
10. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. 3-е изд. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

References

1. Gromyko M.M. Tradicionnye normy povedeniya i formy obshcheniya russkih krest'yan XIX v. M.: Nauka, 1986. 274 s.
2. Danilevskij N.Ya. Rossiya i Evropa. M.: Blagoslovenie: Institut russkoj civilizacii, 2011. 816 s.
3. Klyuchevskij V.O. Lekcii po russkoj istorii. Ch. 1. SPb., 1902. 406 s.
4. Kuvakin V.A. Religioznaya filosofiya v Rossii. Nachalo ХХ veka. M.: Mysl', 1980. 309 s.
5. Kul'pin E.S. Rus' mezhdru Vostokom i Zapadom. M.: LKI, 2012. 282 s.
6. Losev A.F. Istoriya antichnoj estetiki. T. 1. Rannyya klassika. M.: AST, 2000. 621 s.
7. Motiv strannichestva v russkoj kul'ture. URL: <https://proslavyan.ru/kultura-slavyan/motiv-strannichestva-v-russkoj-kulture/> (reference date: 14.02.2021).
8. Nasanov N. Kochevaya civilizaciya kazahov: osnovy zhiznedejatel'nosti nomadnogo obshchestva. Almaty: Socinvest; M.: Gorizont, 1995. 320 s.
9. Plyusnin Yu.M. i dr. Othodniki. M.: Novyj hronograf, 2013. 373 s.
10. Hazanov A.M. Kochevniki i vneshnij mir. 3-e izd. Almaty: Dajk-Press, 2002. 604 s.